

НАРОДНОЕ ЧТЕНИЕ. КНИЖКА ПЕРВАЯ. СПБ., 1859

Предпринято целое издание, чтобы озарить ум народа светом образованности, — издание, в котором просвещенные люди снисходительно сообщают своим непросвещенным меньшим братьям новые для них истины и так благодушно применяются даже в языке своем к народному языку. Я, право, не знаю, чего еще желать? Как должен быть счастлив русский народ! Какие заботы, какие просвещенные заботы великодушно принимает на себя наше образованное общество о народе. Хотят избавить его даже от труда самому выбирать книги, а готовят книгу собственно для его употребления, так что тут собрано все для него полезное и приятное. В своем глубоком снисхождении к народу г-да великодушные литераторы долго жуют предварительно пищу и предлагают народу уже жеванное.

Чтение для народа! По нашему мнению, уже в этой мысли лежит ложь. Что же народ — разве особенный отдел людей? Почему же для него и не существует общего чтения, как для всех людей вообще, а изговливается нарочно *чтение народное*? Почему «История» Карамзина, «История» Соловьева, «Путешествие», например, Головнина, «Юрий Милославский»¹ и пр. и пр. — не народное чтение? И что это за чтение по сословиям? Но ведь в то же время у вас нет чтения дворянского, нет чтения купеческого: отчего же существует у нас чтение народное? Или вы на народ смотрите, как на мало-

летних детей, и — как детское чтение, — так выделяете и народное чтение? «Наше общество образованно, а народ находится в невежестве», — говорите вы. Неужели вы не знаете, что масса сведений сама по себе ничего не значит и что шкаф, наполненный самыми умными книгами, нисколько от того не выигрывает и сам умным не становится, что, следовательно, вся сила в том, какое изменение производит масса сведений в принявшем ее человеке, как он усваивает ее, как ею пользуется? Неужели не знаете вы, что масса сведений, положенная в голову человека, сама по себе еще нисколько не дает право на совершеннолетие, что есть дети-скоропелки, перенявшие не только сведения, но и приемы ученого рассуждения о высоких и просвещенных предметах, и что все они — дети, и вдобавок жалкие дети? Ученый ребенок все остается ребенком; напротив того, человек не ученый, лишенный возможности обогатить себя сведениями, но умственно самостоятельный, выросший в жизни действительной, в труде, борьбе и лишении, может быть человеком совершеннолетним при всем своем (к сожалению) недостатке сведений; и наоборот, в сравнении с ним, человек с богато начиненной головой, но с детским, пришибленным и запуганным умом, — является очень несовершеннолетним человеком, различающимся от действительного ребенка только тем, что ребенку еще предстоит вырасти в самом деле быть совершеннолетним, а этому господину достигнуть совершеннолетия — плохая надежда.

Точно в таком положении находится наше, так называемое, образованное общество при всей массе своих сведений и при отсутствии (безделица) труда самостоятельной мысли, не имеющее под собою никакой действительной почвы, доселе робко, подобострастно поглядывающее на своего учителя, доселе не решающееся *сметь свое суждение иметь*. Сравнение неверно будет разве в том, что масса сведений, которою удручена наша просвещенная публика, не составляет еще такого исполинского невыносимого бремени: в этом отношении, сказать правду, далеко нашему обществу до своего учителя². И вот, оторванное от народа уже полтора десятка лет, полтора десятка лет лишь подражательно, наружно отражавшее на себе развитие других народов, полтора десятка лет не знающее самостоятельной деятельности, — просвещение наше вздумало просвещать простой народ и для этого выдает *народные* книги. Низводя крестьянина, это действительное, серьезное лицо в современной России, на степень «милых детей», общество наше с важностью преподает ему уроки и сочиняет, для него исключительно, *особые* книги, которые для употребления образованного общества, конечно, не годятся, ниже его, — но зато именно для народа хороши!..

Повторяем: народ имеет право на все чтение, на все выходящие книги. Предоставьте ему самому выбор. Не беспокойтесь: он не возьмет книги для себя темной (по современному количеству его сведений), точно так же как нематематик не возьмет книги о дифференциалах, интегралах, нефилолог не возьмет Боппа³ и т. д. Когда пишешь о каком бы то ни было предмете, — пишите *для всех*; когда пишете, думайте о самом предмете и имейте в виду, чтоб он был написан *общепонятно*, а не то, чтобы *понятно для народа*. Отбросьте эту оскорбительную цель. Не пишите для народа. Что будет общепонятно — поймет, поверьте, и народ. Во всяком случае *народных* книг народ, без принуждения, читать не станет. Вместо того, чтоб писать какие-то сочинения исключительно для народа, пусть лучше литература наша постарается быть *народною*: тогда она сама станет истинно на высокую и действительную степень, и для всего народа сделается доступною; тогда, конечно, не нужно будет хлопотать о книгах для народа, как вы теперь хлопочете. <...>